

> ОТРАСЛЬ

Проблемы
большого диаметра

КАК ПИШУТ «Ведомости», самое современное в России производство труб, в создание которого Челябинский трубопрокатный завод вложил 21 миллиард рублей, в начале сентября было остановлено.

Из-за отсутствия заказов ЧТПЗ остановил цех по производству труб большого диаметра «Высота 239», рассказал «Ведомостям» источник, близкий к компании. В другом цехе ЧТПЗ было приостановлено производство труб диаметром 1020 мм ориентировочно на месяц – также из-за отрыва заказов, передал Интерфакс.

Правда, представитель Челябинского трубопрокатного завода остановку «Высоты 239» объясняет плановым ремонтом: «Мы ожидаем, что к середине недели цех начнет работать». Предупредил ли завод потребителей об остановке, он не сказал, как и то, почему самый новый цех потребовал ремонта.

Представитель Магнитогорского металлургического комбината, основного поставщика толстостенового проката для «Высоты 239», сообщил «Ведомостям», что стан «5000» сейчас не полностью загружен в связи со снижением заказов у трубиников.

Основные потребители труб большого диаметра производства челябинского завода – Транснефть и Газпром, а также ведущие российские нефтяные компании. Газпром, по словам его представителя, не отзывал заказы с ЧТПЗ. Представитель Транснефти от комментариев отказался, а два источника, близких к компании, напомнили, что две ее крупнейшие стройки – БТС-2 и ВСТО-2 – уже закончены.

После 2010 года, одного из лучших для отрасли, трубиники вынуждены сокращать производство труб большого диаметра, говорит источник в одной из компаний. В третьем квартале этого года загрузка мощностей упала почти вдвое, добавляет он. Потребители предложили неравномерный график поставок: 850 тысяч тонн – в первом квартале, а в четвертом ожидается около 150 тысяч тонн, объясняет директор фонда развития трубной промышленности Александр Дейнеко.

На ОМК комплекс по производству труб большого диаметра в первом полугодии был загружен полностью, в сентябре – на 80 процентов, а в четвертом квартале ожидается 60–70 процентов, говорит представитель компании. Пока ситуация не критическая, сказал представитель ТМК, компания по ТБД загружена полностью.

На полную мощность загружен и Ижорский трубный завод Северстали, сказал ее представитель, но компанью настораживает растущий импорт с Украины, что может повлиять на объем заказов.

> КОНКУРС

Политех
определяет лучших

23 СЕНТЯБРЯ в политехническом колледже состоялся конкурс «Лучший молодой рабочий по профессии «Электромонтер».

Цель конкурса – не только оценка уровня профессиональной подготовки молодых специалистов ООО «Электроремонт», но и создание условий квалификационного роста, выявление талантливых и перспективных работников.

На базе колледжа конкурсы профмастерства проводят ежегодно. Подобная схема взаимодействия с работодателями отработана и дает результаты. Через неделю порог ресурсного центра колледжа перешагнут участники конкурса «Лучший молодой инженер». Интерес и активность молодежи предприятия растет год от года, поскольку конкурс дает отличную возможность продемонстрировать навыки и знания, выйти на новый профессиональный уровень.

Организаторами конкурса выступили политехнический колледж, совет молодежи совместно с администрацией и профсоюзом предприятия ООО «Электроремонт». Основная задача организаторов – формирование профессионального кадрового резерва. За звание лучших боролись молодые рабочие до 30 лет, имеющие начальное и среднее профессиональное образование с уровнем квалификации не выше 5-го разряда и проработавшие на производстве не более пяти лет. Всего участвовали 23 представителя разных цехов предприятия.

В борьбе за призовое место участникам необходимо было пройти несколько этапов: межотраслевые правила по охране труда при эксплуатации электрооборудования, теоретические вопросы в виде тестирования по основам электротехники. Возможность проявить мастерство и показать знания представлялся участникам при выполнении заданий третьего этапа. Нужно было верно и быстро собрать схему двигателя постоянного тока, найти неисправности в различных электрических схемах.

По результатам всех этапов на первое место претендовали двое участников, набравших одинаковое количество баллов. По решению комиссии финалистам дали последнее задание. И победителем стал Андрей Бутаков. Второе место занял Равиль Юсупов. Третье место разделили Сергей Спирож и Геннадий Березов. Призеров конкурса поощрили ценными подарками и премиями: за первое место 6000 рублей, за второе – 4000 и за третье – 2000 рублей. К тому же, лучшие результаты состязаний являются основанием для повышения призерам квалификационных разрядов.

ДАНИЯ ДАВЛЕТОВА,
специалист по связям с общественностью
политехнического колледжа

Взрыв во имя мира

> В непростых условиях рождалась отечественная
атомная энергетика в Челябинской области

29 АВГУСТА 1949 года на Семипалатинском полигоне прогремел взрыв первой советской атомной бомбы – копии американской, сброшенной четырьмя годами ранее на японские Хиросиму и Нагасаки.

СССР замолчал это событие. Но испытание бомбы, как шила в мешке, не утаишь. Зарубежная пресса долго ломала голову: где же находится советский Атомград – центр атомной энергии? Варианты предлагали разные: севернее Еревана на Кавказе, вблизи русско-турецкой границы, в Ухте, в центре России, около Тобольска, в Восточной Сибири, на Байкале, в Тувинской республике. И ни один из них даже на 500–800 километров не был близко к Базе-10 – одному из первых названий современного Озерска.

Гордость или горе?

Диву даешься, как западная разведка дала маху, – за два года в уральской тайге между Кыштымом и Каслями был построен самый секретный объект СССР, сменивший ради конспирации десяток имен: строительство-859, завод № 817, горно-обогатительный завод, Южно-Уральская контора Главгорстроя, химкомбинат имени Менделеева, почтовый ящик-21, Челябинск-40, Челябинск-65, ПО «Маяк». Первый же промышленный реактор, наработывавший плутоний для атомной бомбы, в закрытой переписке был то котлом, то агрегатом или объектом № 1, аппаратом «А», «Аннушкой». И даже когда к 25-летию с момента пуска реактора открывали мемориальную плиту, на ней было написано: «В этом зале была пущена энергетическая установка».

В истории страны это беспрецедентный случай, когда в сжатые сроки – за год и девять месяцев – ни один серийный блок атомной электростанции не возводился меньше, чем за пять лет! – был построен объект совершенно новой отрасли, сосредоточены лучшие научные и технические умы, брошены десятки тысяч специалистов со всей страны, потрачены миллиарды рублей. И это в то время, когда страна пыталась подняться из послевоенной разрухи. Город металлургов не остался в стороне: из магнитогорской стали производили металлоконструкции для реактора, десятки магнитогорцев были завербованы на Базу-10.

Для Челябинской области такое наследие, как освоение атомной науки и техники, – и гордость, и горе. С одной стороны – атомный щит страны по сей день, с другой – Теча, радиация, взрывы... Какое чувство преобладает спустя много лет? Сегодня многим непонятно, зачем нужны были та спешка и неимоверные усилия.

Оружие возмездия

Японские города американцы отбомбили 6 и 9 августа 1945 года. А уже 20 августа вышло постановление Совета министров о создании организационной структуры для производства «оружия возмездия». В Штатах первый котел, – кстати, он тоже назывался реактор «А», – заработал в сентябре 44-го. Вслед за ним построили еще два. У Советского Союза реактора нет, зато известен официальный план ССБ: нацелить на советские города 133 бомбы. Медлить нельзя.

Руководит атомным проектом Лаврентий Берия, одно имя которого внушает страх. Однако первоначальные сроки запуска реактора – весна 47-го года – отодвигаются почти на год. Слишком неподъемная задача – с нуля освоить сложнейшее производство. Репрессий бояться все, научный руководитель Игорь Курчатов не исключение. Но последствий чрезмерной спешки – тоже, потому решения принимаюг взвешенно. Если монтировать оборудование, то неоднократно его испытывать. Если проектируют конструкцию реактора, то выбирают ее из нескольких вариантов.

Изначально решили идти по американскому пути с их горизонтальной кладкой урановых блоков в специальные каналы – данные советской разведки позволяли это сделать. Но главного конструктора атомного проекта Николая Доллежаля смущала американская модель: 20 метров тоненькая трубочка, в ней 70 блоков по два килограмма, температуры дикие – от комнатной до 300 градусов. Нужно закрепить температурные датчики, чтобы как-то компенсировать температурную деформацию, и чтобы было герметично, потому что вода под высоким давлением, и чтобы не прогнуглась конструкция... Накануне заседания научно-технического совета, выкуривая сигарету, он машинально взял в руку сломаанный спичечный коробок и стал постучивать торцом по столу. Вдруг заметил – спички прыгают и встают на место. Эврика! Крепить каналы надо сверху, внизу – вода, каналы не прогибаются, потому что провисают...

Чтобы избежать финансовых проволочек, работы по созданию реактора велись без проектов и смет. Через девять месяцев после начала работ стоимостью комбината – кроме реактора строили еще радиохимический завод для очистки оружейного плутония и химико-металлургическое производство по получению особо чистого металлического плутония – миллиард 202,9 миллиона рублей.

Неприятности при строительстве и монтаже, конечно, были. Но, как ни странно для того времени, ничьи головы не летели: в худшем случае – руководителей снимали с поста. В частности, когда в одной из металлоконструкций

реактора – «Леонидах» – возникли так называемые расслои, председателю Совмина Ивану Тевосяну доложили о браке Магнитогорского комбината – это могло привести к нежелательным последствиям для атомного производства. Тевосян принял срочные меры: директор ММК Григорий Носов был наказан, главный инженер Александр Борисов предупрежден. Впоследствии заказчик получал более рафинированный сталь...

8 июня 1948 года. После загрузки урановых блоков в «Аннушке» началась цепная реакция, а через 11 дней первый в Европе уран-графитовый промышленный реактор вышел на проектную мощность. Через год атомная бомба была испытана. Началась гонка вооружений. С тех пор ни одна бомба не взорвалась на планете, за исключением испытаний.

Разработчиков атомного проекта Сталин наградил. Особенно щедро Курчатова и Доллежаля: кроме звания Героя Социалистического Труда и Сталинской премии 1-й степени их премировали суммой 500 тысяч рублей каждого, автомобилем, дачей, правом обучения детей в любых учебных заведениях страны, возможностью семьям бесплатно пользоваться любым транспортом в пределах СССР пожизненно. Что получил Берия за атомный проект, неизвестно, но одна из главных улиц атомного городка несколько лет носила его имя. Пока главного энквэвдэшника страны не объявили врагом народа.

Козлы и ликвидаторы

С момента пуска «Аннушки» не прошло и месяца, как случилась первая серьезная авария. Из-за сбоя в системе охлаждения расплавились алюминий в блоках, и уран спекся с графитом в такое соединение, которое не брал ни один инструмент. По аналогии с металлургией аварию назвали козлом, а работу реактора пришлось остановить. Потом «потекли» технологические трубы, так как не имели специального антикоррозионного покрытия. Пришлось их заменить на новые, предварительно разгрузив аппарат от урана и графита. Чтобы спасти продукцию от механических повреждений, делали это вручную с помощью хитрого сооружения. Вспоминает участник тех событий конструктор-механик Борис Егоров:

– Человек садился на стульчик рядом с ячейкой. Из защиты – небольшой экран из оргстекла, очки и резиновые перчатки. Опускает в канал цангу на тросе, захватывает блок, поднимает наверх и складывает в ящик. Заполненный ящик уносят на специальных носилках с двухметровыми ручками – чтобы быть подальше от радиационного фона – в другое здание, в вентиляционную камеру. За каждый извлеченный и доставленный блок платили наличными. Работники бюро труда и заработной платы вели учет, кассир тут же рассчиты-

вался. Дозиметрическая сигнализация отключалась, чтобы не нервировать людей. Кто хотел заработать – пожалуйста, разрешалось делать несколько заходов...

Все были убеждены, что делают правильно, что иначе и быть не могло. Медики шарахались, как прокаженные, от ликвидаторов аварий – приборы срабатывали даже на большом расстоянии от тела. Тогда не понимали, что такое радиация. От нее никто не умирал, сонливость при облучении списывали на усталость. Со временем иммунитет падал, одна за другой сыпались болячки.

Через пять лет после приезда на «Базу-10» Борис Сергеевич заметил, что часто болеет ангиной, гриппом. – Ни с того ни с сего вдруг подхватил воспаление легких, – вспоминает Егоров. – Несколько дней жил на кислороде. Грудь и живот покрывались черными точками. Постоянные головные боли, синяки на руках и ногах. Кровь перестала свертываться. Врачи обследовали и запретили работать – к тому времени я получил облучение в несколько сот рентген при норме два рентгена в год...

Авария 57-го года – отдельная тема и особая боль Озерска... О ней не любят вспоминать. Предпочитают не ворошить наследие, которое область расхлебывает до сих пор. Потому и вопрос строительства в этих местах АЭС вызывает предсказуемую реакцию.

Другое темное пятно в истории первого реактора – заключенные. Строили жилой город и рыли котлован – конструкция реактора уходит под землю до отметки «минус 53 метра» – осужденные, которых в сталинские времена хватало: и простых зеков, и политических. К началу 47-го года работали 52 тысячи человек, черед год – вдвое больше. Когда бараки оказались переполнены, со стройки в Соликамске перебросили огромные юрты по 50 мест в каждой. Невольно вспоминается Магнитострой: «Мы жили в палатке с зеленым окномцем...»

Старожилы вспоминают – каждое утро в половине восьмого заключенных под конвоем гнали рядами по одной и той же улице. Опоздаешь на работу – не пройдешь. Неволя трудовая заменила зекам на Урале неволю тюремную. А если рабочие специальности «нарушителей закона» были востребованы на стройке Атомграда, особым указом 47-го года сроки их «наказания» удавляли.

Две Аннушки

С момента запуска первенец отечественной атомной промышленности долго лихорадило, многое приходилось доводить до ума, однако усовершенствование систем надолго продлило жизнь «Аннушке» – вместо двух-трех лет, как это предполагалось, она отработала 39. Зато отдача и самоотверженность первопроходцев сократила им жизни, подорвала здоровье.

Из тех, кто приехал на строительство реактора, в Озерске живы немногие. Среди них 88-летняя Анна Винокурова.

23-летней девчонкой приехала она на Базу-10 по спецпутевке из Подмосковья. Думала – отработает по распределению пару лет и домой. Но первые шесть лет никого из атомного городка вообще не выпускали, родственникам не писали и в гости их не ждали, отпуска проводили в закрытой зоне. Но скучать не приходилось: еще город не отстроили, а уже в одном из бараков заработал кинотеатр. Природа поражала своим величием, летом на выходные выбирались на озеро Кызылташ – купались, рыбу ловили. Позже место отдыха пришлось сменить – в озеро сливали отработанную в реакторе воду...

Снабжение в «Челябинске-40» было лучше, чем по Союзу. Кто работал во вредных условиях, получал талоны на спецпитание. Иногда в особом «генеральском магазине» удавалось купить копченую колбасу. В общем, жили не тужили. Влюблялись, женились. На аппарате «А» выполняли любую работу. Мало что знали о продукции и лишнего не спрашивали.

По иронии судьбы тезка первого промышленного реактора забеременела незадолго до пуска «Аннушки». Работая дежурным техником в центральном зале, наблюдала, как вручную устраняют первые козлы.

– Слесари, бывало, говорят мне: «Аня, иди-ка посмотри, что в трубе делается!» Мне интересно, подойду, правый глаз прищурю, левым вижу – горит там все, светится!.. Никто про радиацию не знал. Не понимали, что это такое. А вот сейчас у меня от той «внечники» левый глаз не видит...

Те же слесари, спустя несколько месяцев, зная про «интересное положение» Винокуровой, спрашивали: «Анна, как ребенка-то назовешь?» А она продолжала стоять на крышке реактора. Однажды в центральный зал зашел Борода – так ласково за глаза называли Курчатова.

– Как самочувствие? – он всегда искренне интересовался этим у всех.

– Нормальное, – ответила она, кутаясь от холода в телогрейку – наступала зима.

Курчатов оглядел внимательно ее вступающий живот и, ничего не сказав, вышел. Говорят, начальству он задал один вопрос: «У вас Винокурова и рождать на реакторе будет?» На другой день Анну Николаевну вызвали в медпункт и перевели работать в чистые условия. Наташка родилась не совсем здоровой, но после двух операций в Москве стала нормальным ребенком.

Магнитогорцы-
атомщики

К сожалению, не с каждым участником тех значимых для страны событий сегодня можно встретиться. Сколько было их, посвятивших себя созданию атомного щита родины? Советник генерального директора «Маяка» Борис Ентяков несколько лет собирал данные для книги о первопроходцах комбината. Признается – был непросто:

– Штатного расписания нет. Подобных документов тогда не велось. Говорят, не до того было. В кадровую систему люди попадали с 52-го года. Единственный документ, который раскопал в архивах Росатома, – ведомости начисления заработной платы. Определить причастность каждого к рабочему месту помогли личные дела, карточки учета движений по службе, рассказы ветеранов...

За первое полугодие с момента пуска реактора, включая прибывавших, набралось 600 человек. Листая рукопись будущей книги, ловлю себя на мысли – больше всего первопроходцев из Челябинской области: Кыштыма, Челябинска, Карабаша, Златоуста, Верхнего Уфалея, Миясса, Каслей и, конечно, Магнитогорска:

– Петр Лозовский – мастер точной механики – неоднократно отличался в приказах за хорошую работу.

Владимир Макеев – слесарь-механик. Дошел до дежурного прибориста, был специалистом высокого разряда, но его сгубила страсть к спиртному. Был осужден за прогулы и выходы на работу в нетрезвом состоянии, за драку. В 1951 году исключен из штата по большой судимости – десять лет.

Иван Поляков – слесарь с ММК, в 48-м году отобран на Базу-10, в 1961 переведен на Ново-Воронежскую АЭС.

Михаил Костин – с 42-го года работал электриком на ММК, награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». С объекта «А» в 1950 году перевели электронадзирателем в ЖКУ.

Анатолий Нисаюмов – работал слесарем КИП. Все трудовую деятельность отдал реактору «А» и заводу-156, хороший специалист и надежный работник, активный рационализатор, на его счету много приказов с поощрениями...

Из этих записей видно, что не все выдерживали тяжелые условия труда и изолированную жизнь вдали от родных. Даже высококлассные специалисты порой становились хулиганами и злостными нарушителями трудовой дисциплины. Но все они внесли свою лепту в борьбу за жизнь без ядерной войны.

28 сентября шестой год подряд страна отметила День работника атомной промышленности. Дату выбрали исходя из распоряжения Госкомитета обороны СССР 1942 года «Об организации работ по урану». Тогда государство просило ученых лишь только просчитать возможность (!) создания уранового топлива или урановой бомбы. Через семь лет оно получило и то, и другое.

А все начиналось здесь, на южноуральской земле... ☹

ЛЮДИЛА БОРЮШКИНА
Озерск-Магнитогорск